

ОДИН

Моя мать умерла от разбитого сердца – по крайней мере, так было сказано в письме.

Я стояла перед прилавком с овощами в манхэттенском Чайнатауне, у чеснока «восемь головок за доллар» и фунтовых кочанов капусты. Английский у старой маньчжурки, которая переводила мне вслух, был ломаный, а акцент – сильный. Она глянула на меня со своего пластикового стула, и под этим взглядом я застыла. Честно говоря, я не понимала, что чувствовать. Смерть для меня оставалась абстракцией: я и на похоронах-то никогда не была.

Я кое-как выдавила:

- Что ещё там сказано?
- Только что твоя мать умерла.

Старуха сунула мне письмо обратно и двумя пальцами прочертила в воздухе круг, чтобы охранить себя от зла. И повернулась к покупателю, который выбирал перцы.

Я взглянула на солнце, стоявшее прямо над головой, на небо, до боли голубое, не испачканное облаками, затем уставилась на тротуар у ног моей переводчицы, потрескавшийся, как и её пятки в

драных вышитых сандалиях. В смятении я потянула за ремешок висящую у меня на бедре камеру и сфотографировала эти ноги на покрытом шрамами асфальте.

Пошарив в сумочке, я достала бумажник, чуть не уронив его на землю. За перевод письма я предлагала десять долларов, хотя старуха вызвалась сделать это бесплатно, в порядке одолжения, поскольку по овалу лица узнала во мне сестру-маньчжурку.

– Нет! – Её рука перехватила моё запястье. – Я отдала плохие новости. Уходи. Твои деньги не хорошо.

Сквозь рёв в ушах я пыталась думать. Мне были понятны её предрассудки, но также понятно и то, что, продавая овощи на улице, много не зарабатываешь.

– Мне нужны два кочана.

Она прищурилась:

– Китайская капуста. О'кей.

– И вот это. – Я ткнула пальцем в чеснок. – На три доллара. И это. – Я снова ткнула пальцем, на этот раз в связку шипастых фруктов цвета фуксии.

В итоге я приобрела китайскую капусту, которую не умела готовить, двадцать четыре головки чеснока и фунт фруктов, названия которых не знала. Всё вместе потянуло на двенадцать долларов, и мне ещё пришлось волочь с рынка два тяжёлых пакета. Пока я их тащила, белый полиэтилен растянулся до прозрачности.

Абсурд происходящего вызывал желание бросить всё — овощи, сумочку, фотоаппарат — и побежать по улицам прочь.

Вместо этого я доковыляла до угла и вызвала такси, сгорбленная от горя, которое не могла осознать, и еды, которую не могла съесть.

Я сходила на обед, потом на автопилоте направилась в студию. Снаружи, за стеклянными стенами офиса, по небу скользило единственное облачко, повторяющее профиль моей матери: сперва оно появилось в одном окне, затем переползло к другим. Веки у меня отяжелели, но слёз так и не было.

Сумочка грохнулась со стола и раскрылась. На фоне красной подкладки выделялись письмо и конверт «ФедЭкса». Я расправила линии, по которым бумагу согнули руки моей сестры, и коснулась пальцами прекрасных каллиграфических строчек на маньчжурском. Смогла прочесть всего несколько слов, а поняла и того меньше.

Я набрала номер сестры в Китае, но там было занято. Попробовала ещё несколько раз — с тем же результатом. В итоге я подумала о своём муже. Прослушала четыре гудка, а потом меня переключили на голосовую почту: «Привет, это Дэвид Хилтон из „Прометей Солар“...»

Я повесила трубку.

— Идём, мы уже опаздываем.— В дверях стояла Марта, арт-директор.— Чем бы ты там ни занималась, завязывай.

Подразумевалось, что это шутка, но Марта при этом провела пальцем по горлу, подводя черту своим словам. За её спиной стоял мой ассистент Джо.

Я запихнула письмо в сумочку и закрыла её. Схватила со стола резинку для волос и по дороге в студию заплела волосы в косу. Цоканье каблуков Марты эхом пронеслось по коридору, а её парфюм – сирень и лаванда – окутал меня шлейфом.

Остальная команда ждала нас в «Студии Один». Здешнее атмосферное освещение сегодня казалось тусклее обычного. Модель для рекламы зубной пасты, шестилетняя девочка в пижаме в цветочек, терпеливо сидела, пока стилист возился с её непослушными волосами, а визажист в поисках идеала то дорисовывал, то стирал кончик одной брови. Тут же болталась ещё одна женщина, – предположительно, мать – и нервно улыбалась.

Я кивнула, прошла к своему месту оператора и взяла в руки фотоаппарат, готовясь снимать. Увесистый металлический «Хассельблад» среднего формата внушал уверенность – словно я держалась за мужнину руку. Наклонив голову, я уставилась на видоискатель, а затем прикрыла глаза и с мгновение просто дышала.

Нужно сказать кому-то, что моя мама умерла.

Марта постучала меня по плечу:

– Наслаждайся последними деньками общения с этим старьём. Вот-вот его место заступят цифровые камеры.

Когда в ответ на это я нахмурилась, она рассмеялась. Единственное, за что я могла уцепиться в этот момент – моя камера, – было готово уступить дорогу грядущему. Счастливый 1999-й.

Я приблизилась к модели, которая стояла перед белой раковиной на фоне окна. С другой стороны окно подсвечивали, изображая идеальный солнечный денёк.

Я наклонилась к девочке:

– Привет, меня зовут Эми. Я собираюсь тебя пофотографировать. Как тебя зовут?

Она встряхнула мою руку. Рукопожатие было твёрдым – хватка юного дарования.

– Аннабель. Приятно с вами познакомиться.

– Хорошо, Аннабель, представь, что это просто такая игра с подружкой. И если в какой-то момент тебе понадобится прерваться, скажи мне, ладно?

Она кивнула.

Джо заправил в камеру плёнку «Полароид». Он измерил освещённость рядом с лицом Аннабель, и я чуть поменяла углы студийных софитов. Сделала несколько полароидных кадров, а затем разложила снимки на столе, чтобы рассмотреть.

Через минуту Джо поскрёб в затылке:

– Фото размытые.

– Хм-м... – Мычание Марты тянулось так долго, что обрело чёткие грани и форму.

Подойдя, я встала рядом. Шесть полароидных карточек – и на всех изображение нечёткое. Ни

раковина на фоне окна, ни подсвеченное лицо Аннабель не в фокусе.

– С контрастом вроде порядок, и освещение хорошее, – произнесла Марта. – Щёки у неё яркие, зубы выглядят белыми. Проверь фокус. – Она бросила взгляд на свои часы. – Боже, уже половина второго! Просто продолжай. Снимай на плёнку.

Я уставилась в видоискатель. Мне показалось, что с фокусом всё в порядке.

Я вручила камеру Джо, который заправил в неё обычную плёнку с негативной эмульсией. Потом они с Мартой отошли в тень, присоединившись к стилисту и визажисту.

Затаив дыхание, я сфокусировала линзы на девочке.

– Ты прекрасно выглядишь!

Аннабель просияла, и её губы растянулись в широкой улыбке, демонстрируя зубы.

– Поверни голову к свету, о'кей? И ещё чуточку. Идеально! Ещё немного. Прекрасно!

После первых нескольких снимков весь остальной мир растаял, как и всегда во время работы. Моё прошлое, будущее, мучительные воспоминания, от которых я просыпаюсь по ночам. Моя мать.

Марта сопровождала инструкции жестами:

– О'кей, теперь открой тюбик с пастой, Аннабель. Открывай медленно, чтобы Эми смогла это заснять. Теперь выдавливай на щётку. Ты умеешь это делать? Ты сама дома зубы чистишь?

Я закатила глаза. Девочке шесть лет, и она уже строит карьеру. Уж наверняка она знает, как чистить зубы.

Две катушки плёнки спустя Аннабель подняла руку:

– Пожалуйста, давайте сделаем перерыв! У меня рот заболел столько улыбаться.

Я кивнула, и мама, крепко обняв дочку, утащила её со съёмочной площадки.

– Время для истории? – спросила Аннабель.

Мать кивнула и повела её к скамейке в гримёрной зоне, где они уселись рядышком.

– Однажды, давным-давно, жила богиня по имени Персефона, – начала мать, и внезапно Аннабель превратилась в обычную маленькую девочку.

Моя мама тоже рассказывала мне истории, когда я была маленькой, но они никогда не начинались с «однажды, давным-давно». В них дело всегда происходило в конкретном месте в определённое время. Как в истории о Бо Лэ из царства Гао: он в 650 году до нашей эры распознал лучшего в Поднебесной коня по признакам, которых никто больше не мог увидеть.¹

¹ Согласно легенде, описанной в собрании рассказов и стихов династии Западная Хань (260 г. до н. э. – 23 г. н. э.), Бо Лэ был императорским конюшим, который сумел распознать в истощённой и усталой лошади отменного скакуна по ее ржанию. Имя Бо Лэ в Китае стало нарицательным: так называют человека, способного разглядеть за наносным истинную суть.

– Персефона была принцессой? – спросила Аннабель.

Её мать улыбнулась:

– Нет, богиней. Это лучше, чем быть принцессой. Бог подземного мира похитил Персефону и увёл её к себе домой, под землю. Её мать, Деметра, которая была богиней плодородия и сельского хозяйства, везде искала дочь и позабыла обо всём, так что листья поменяли цвет и осыпались с деревьев, а сами деревья уснули на зиму.

У меня перед глазами всё поплыло. Я прижала основания ладоней к зажмуренным глазам, пытаюсь справиться с давлением внутри головы. Я не могла позволить себе разреветься посреди фотосессии.

В конце перерыва мама Аннабель спросила ее:

– А у кого тут красивая улыбка?

– У меня!

– Верно! И ты поделишься ею с целым миром.

А кто тут тебя любит, детка?

– Ты!

Я подумала: как же легко маме Аннабель сказать: «Я люблю тебя», и как же трудно это было моей! Предполагается, что китайские девочки просто знают, что родители их любят. Начав жить по-американски, я захотела услышать об этом. Но моя мать сказала, что любит меня, лишь раз, шесть лет назад. В тот день мы разговаривали с ней в последний раз.

* * *

В квартире было пусто. Я бросила сумку на обеденный стол, уже и так заваленный и заставленный книгами, и чашками, и вазами, и счетами за коммунальные услуги, а рядом опустила камеру.

На холодильнике красовался клейкий листочек для заметок – с надписью убористым почерком Дэвида: «Нормально ли работает компрессор?» Внутри холодильника прятались кувшин воды, половина картонной упаковки яиц и множество разовых пакетиков с соусами от еды навынос. Я запихала туда же пакеты с продуктами из Чайнатауна.

Огонёк автоответчика мигал красным. Я нажала «плэй», и комнату заполнил голос Дэвида: «Привет, дорогая. Алексу нужен прототип для завтрашней презентации. Видно, придётся просидеть тут всю ночь. Люблю тебя». Я пробежала пальцами по холодному гладкому ребру автоответчика. Целью компании Дэвида было производство наиболее эффективных солнечных панелей. То есть мы занимались одним делом – ловили свет, только я творила искусство сама для себя, а он выпускал продукцию, которая поможет всему миру.

Подняв трубку, я позвонила мужу в офис. Снова попала на голосовую почту. На этот раз я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, но нужные слова на ум не пришли. И я повесила трубку.

Попыталась позвонить сестре в Китай. С кодом страны, кодом провинции, кодом города и самим номером получилось шестнадцать цифр. Раздался один гудок, потом тишина. Я перезвонила. Наверное, пропустила какую-нибудь цифру.

Спустя целую вечность гудков ответил мой отец:

– Алло.

От отсутствия практики я чрезмерно подчёркивала слова на мандаринском китайском.

– Привет, папа. Это я. Эми. В смысле Айми...
Задумчивая пауза. И щелчок обрыва связи.

Я снова набрала номер. Слабые далёкие щелчки, будто насекомые ползают ночью по стенам. В трубке послышались гудки – один, два, три, потом четыре, пять, шесть гудков. Я звонила и звонила, но никто не ответил.

Я повесила трубку. Он меня слышал. Не мог не слышать. Он намеренно положил трубку и больше не поднял. Он не хотел со мной говорить.

Я вцепилась в телефон так крепко, что стыки на пластике вонзились в ладонь. Почему я назвалась Эми? Айми – это имя дала мне мать.

Позвонив ещё раз и не получив ответа, я вернула трубку на рычажок. Такая простая и сложная штука – вот это пластиковое устройство, которое может связать меня с моей семьёй на другом конце Земли. Должно было связать. Через миг я схватила трубку и швырнула в стену. Она отскочила и врезалась в стопку книг, а база-подставка запрыгала по древесине пола.

Мама умерла, а меня не было рядом. Я так и не получила возможности исправить всё, что пошло наперекосяк.

Отшвырнув туфли, я ухватилась за лацканы пиджака и блузки и дёрнула так, что пуговицы, отлетев, зарикошетили от книг, ножек стульев, динамиков и пола. Я выскользнула из брюк, скинула бельё и, подтянув колени к груди, легла голышом на пол.